

Макаров Владимир Евсеевич

**Старообрядчество, его смысл
и значение**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Евсеевич М.**
Старообрядчество, его смысл и значение / Макаров Владимир Евсеевич – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 39 с.

ISBN 978-5-519-94796-1

ISBN 978-5-519-94796-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

То было, гг., въ XVII столѣтіи... Деспотическая церковная реформа патріарха Никона расколола до того времени единую православную русскую семью. Народъ возсталъ противъ новопечатныхъ книгъ и новыхъ обрядовъ, противъ „любоначалія во властѣхъ“, противъ гордой самоувѣренности и „латынскихъ нравовъ“ духовныхъ „владыкъ“, отождествлявшихъ церковь съ самими собою. Исконный страдалецъ-народъ все могъ стерпѣть, со всѣмъ такъ или иначе могъ примириться. Мирился онъ и съ отнятіемъ у него старинныхъ земскихъ правъ и вольностей, мирился онъ и съ тяжелымъ монгольскимъ игомъ, терпѣлъ онъ всякія невзгоды и произволъ „власть имущихъ“, до опричнины включительно, согнулъ онъ шею и подъ крѣпостнымъ ярмомъ личной неволи. Но тѣмъ крѣпче онъ держался за свою вѣру, которая къ тому времени оставалась единственной сферою его свободной мысли и дѣятельности, такъ какъ все остальное было „расписано по рангамъ“, поглощено правительственной опекой и насиліемъ.

Только въ области вѣры народъ могъ еще чувствовать себя относительно свободнымъ человекомъ, только здѣсь оставался онъ на своей почвѣ, только здѣсь могъ получить удовлетвореніе и нравственное вознагражденіе за весь гнетъ, насиліе и невыносимую тяжесть общественно-экономическаго строя, за всѣ бѣдствія и удары судьбы.

За свою вѣру, эту свою послѣднюю собственность, послѣднюю святыню, оставленную отцами и дѣдами, народъ готовъ былъ идти на смерть, отстаивать ее до послѣдней капли крови, и поэтому отнять ее у народа — значило отнять его „душу“. И когда народъ увидѣлъ и понялъ, что у него хотятъ отнять его послѣднее достояніе—его вѣру, хотятъ плѣнить его душу, поработить его совѣсть, попрасть и обезчестить все то, чѣмъ онъ еще жилъ и дышалъ и въ чемъ онъ еще чувствовалъ себя хозяиномъ,—его обычаи, преданія,

чаянія и надежды, онъ этого не стерпѣлъ и съ этимъ ни-
коимъ образомъ не могъ помириться.

Это покушеніе на свою вѣру народъ увидѣлъ въ церков-
ной „реформѣ“ середины XVII столѣтія.

Неблагодарную роль исполнителя этой реформы, которая потрясла историческія судьбы русской церкви, реформы крайне неудачной, скороспѣлой и небрежной, неосмотри-
тельной, необдуманной и мелочно - примитивной, реформы, въ которой и не было въ то время особенной нужды, взялъ на себя патріархъ Никонъ, человѣкъ хотя и способный, но узкій и недалъновидный, а къ тому же крутой, честолюбивый и капризный до самодурства, человѣкъ, страдавшій маніей величія, способный итти „напроломъ“, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, человѣкъ, въ характерѣ котораго господствовали гордость, надменность, ненависть, злоба и почти звѣрская свирѣпость, заставлявшая трепетать не только его подчиненныхъ, но и всѣхъ вообще окружавшихъ его.

Понятно, что такой человѣкъ, какъ Никонъ, о которомъ, „грозя другъ другу“, говорили: „знаете ли, кто онъ, звѣрь ли лютый, левъ, или медвѣдь, или волкъ?“ ¹⁾, о которомъ даже соборъ 1667 года засвидѣтельствовалъ, что онъ все дѣлалъ изступя ума, слѣдовалъ не Спасителю, а сатанѣ ²⁾, былъ даже хуже сатаны ³⁾, не могъ въ своихъ капризныхъ притязаніяхъ на роль „очистителя“ церкви дорожить истиной, миромъ и благоденствіемъ церкви, и отъ него невозможно было ожидать справедливости, безпристрастія, добросовѣстности и чего-либо добраго.

Поддавшись интригамъ, продѣлкамъ и вліянію ловкихъ проходимцевъ и авантюристовъ изъ облатинившихся мало-русскихъ монаховъ и грековъ, воспитанниковъ іезуитовъ,

¹⁾ Ист. рус. церкви, м. Макарія, т. XII, стр. 215.

²⁾ Ист. изслѣд. дѣла Никона, Гиббенота, прилож. къ 2 ч., стр. 683 и 1051.

³⁾ Ист. р. ц., Макарь, т. XII, стр. 736.

празднопатающихся милостыне-собирателей, людей съ темнымъ прошлымъ, низкихъ, корыстолюбивыхъ, готовыхъ продаться кому угодно, на золотой телецъ промѣнять все— и совѣсть, и вѣру, и убѣжденія, людей, которымъ выгодно было устроиться „при реформѣ“, насѣять въ русской церкви смуты и вражды и явиться „учеными“ вершителями ея судебъ,—Никонъ принялся за свою реформу съ фанатизмомъ, свойственнымъ всѣмъ узкимъ и недалекимъ людямъ, съ сознаниемъ своей неограниченной власти и своей непогрѣшимости, и, не знавшій чувства мѣры, онъ не могъ ограничиться необходимымъ и слишкомъ перегнулъ дугу въ другую сторону, чѣмъ, по словамъ своего современника и продолжателя его реформы, Паисія Лигарида, „вмѣсто мира бросилъ ножъ въ Христову церковь“¹⁾, а на чистое поле русскаго вѣкового благочестія выкинулъ знамя раздора.

Ломая и коверкая древность, искажая, и умышленно и по небрежности церковно-богослужебныя книги, чины и обряды, приводя ихъ въ согласіе съ современными себѣ греческими книгами, печатанными латинянами и протестантами въ западныхъ типографіяхъ, прошедшими чрезъ руки и цензуру іезуитовъ,—Никонъ и его клеветы не могли не вызвать дружнаго и сильнаго протеста со стороны русскаго православнаго глубоко-вѣрующаго народа, вставшаго на защиту древнихъ преданій и родной старины.

Тѣмъ болѣе станетъ понятна и естественна та боязнь, та нервно-болѣзненная дрожь, тотъ неподдѣльный страхъ и ужасъ за чистоту и неповрежденность русскаго православія и благочестія, то сильное негодованіе и протестъ, которыми лучшая и большая часть народа встрѣтила никоновскую бессмысленную и противную духовной свободѣ реформу, — если вспомнить, что первыя же реформаторскія попытки Никона и его сподвижниковъ въ дѣлѣ реформы

¹⁾ Богослов. Вѣстн., окт. 1892 г., отд. 2, стр. 55..

показали, что они не могут терпѣть и даже слышать равнодушно никакихъ замѣчаній и протеста, никакого контроля надъ своими поступками со стороны тѣла церкви — народа, но требуютъ безусловнаго, рабскаго и слѣпago послушанія себѣ.

А протестъ этотъ, какъ разумное проявленіе здороваго, сознательнаго отношенія къ вѣрѣ и іерархіи православныхъ людей, какъ живыхъ и дѣятельныхъ членовъ живого организма—церкви, былъ и исторически и канонически вполнѣ правиленъ и законенъ.

Въ никоновской реформѣ христіанскія начала любви и свободы были подавлены латино-римскими, ^и національными особенностями не принимались во вниманіе, — она выражала собою презрѣніе религіозной жизни русскаго народа со всѣми ея чаяніями, завѣтами и преданіями и любовь ко всему чуждому, иноземному, особенно греческому. Ея вершители, состоявшіе изъ чуждыхъ русскому духу элементовъ, пропитанные безбожнымъ папскимъ „правомъ“ и духомъ непогрѣшимости, не имѣли и не могли или не хотѣли имѣть никакого понятія о характерѣ и міровоззрѣніи того народа, отъ котораго они властно требовали безусловнаго и слѣпago послушанія себѣ. Религіозные новаторы не хотѣли понять народной души, муштровали народъ по-своему, все хотѣли навязать ему внѣшними насиліями, все желали строить по своему произвольному плану, который не имѣлъ жизненныхъ, разумныхъ основаній, никакъ не вязался съ думами, чувствами и стремленіями народными...

Народъ ясно видѣлъ и понималъ, что реформа—результатъ корыстныхъ происковъ грековъ и каприза Никона.

На эту несправедливость, неестественность и внутреннюю ложь никоновскихъ нововведеній и сталъ онъ указывать, вставъ грудью на защиту добрыхъ обычаевъ и порядковъ родной старины, воспитавшей его и вполнѣ отвѣчавшей его духу и потребностямъ.

Первое рѣшительное и открытое столкновение между защитниками старины и Никономъ произошло вслѣдствіе слѣдующаго распоряженія, которое, подѣ влияніемъ грековъ-совѣтниковъ, Никонъ разослалъ по московскимъ церквамъ предѣ наступленіемъ Великаго поста 1653 года: „По преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны, еще и тремя персты бы есте крестились“.

Такое неожиданное и притомъ единоличное, ничѣмъ не мотивированное распоряженіе патріарха, покушавшееся измѣнить старый церковный чинъ и обрядъ, крайне смутило благочестивыхъ людей, воспитанныхъ въ благоговѣйной преданности существующимъ церковнымъ чинамъ и преданіямъ, тѣмъ болѣе, что относительно крестнаго знаменія существовало категорическое и вполне ясное опредѣленіе „стоглаваго собора“: „Иже не знаменуется двѣма персты, якоже и Христось, да есть проклятъ“.

Распоряженіе это поставило народъ въ тяжелое, двусмысленное положеніе: подчиниться распоряженію — значить подвергнуть себя клятвѣ собора, на которомъ были іерархи, признанные русской церковью святыми; остаться вѣрнымъ соборному постановленію — значить ослушаться грознаго патріарха.— „Мы задумались, — говоритъ протопопъ Аввакумъ, — сошедшеся между собою, видимъ, яко зима хочетъ быти: сердце озябло и ноги задрожали“.

Кружокъ ревнителей церкви изъ духовенства подаетъ патріарху письменный протестъ противъ его распоряженія съ выписками изъ отеческихъ книгъ.

Но начиная такимъ мирнымъ, строго обдуманномъ путемъ свое дѣло, защитники старины ошиблись въ расчетахъ.—На ихъ протестъ не обратили никакого вниманія.

Въ слѣдующемъ 1654 году, желая показать видъ, что онъ дѣлаетъ дѣло не самовольно, а съ согласія всѣхъ епи-

сконовъ, Никонъ собираетъ соборъ и принуждаетъ епископовъ подписать свое предложеніе объ исправленіи книгъ, при чемъ не обошлось и безъ обмана. Никонъ заявилъ, что книги будутъ правиться по *древнимъ* греческимъ и славянскимъ рукописямъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ исправленіе было произведено по *современнымъ ему* греческимъ книгамъ, печатаннымъ іезуитами въ Римѣ, Венеціи и др. городахъ.

Началъ было на соборѣ возражать относительно поклоновъ епископъ Павелъ Коломенскій, но тутъ же жестоко за это поплатился: Никонъ разразился надъ несчастнымъ епископомъ страшною карою: низвергъ его, сорвалъ съ него мантию, предалъ его жестокому тѣлесному наказанію и сослалъ въ заточеніе, гдѣ Павелъ впослѣдствіи, по приказанію Никона, былъ убитъ, и тѣло его сожжено ¹⁾).

Въ слѣдующемъ 1655 г. „исправленный“ служебникъ былъ уже напечатанъ.

Исправленіе книгъ продолжалось.

Въ чемъ же, собственно, состояло это исправленіе?

Профессоръ Е. Голубинскій говоритъ: „Большею частью дѣло понимается такъ, будто Никоново исправленіе богослужебныхъ книгъ состояло въ точномъ и настоящемъ воспроизведеніи древнихъ греческихъ и славянскихъ рукописей или было ничѣмъ инымъ, какъ этимъ точнымъ воспроизведеніемъ. Такое пониманіе дѣла, основанное на ошибочномъ толкованіи недостаточно опредѣленныхъ словъ предисловія къ „служебнику“, есть пониманіе совершенно неправильное, ибо представляемое въ подобномъ видѣ исправленіе богослужебныхъ книгъ было дѣломъ вовсе невозможнымъ и было бы со стороны Никона дѣломъ лишеннымъ смысла... Онъ захотѣлъ и предпринялъ исправить наши книги *по современнымъ книгамъ греческимъ*, дабы привести насъ

¹⁾ Ист. р. ц., Мак., т. XII, стр. 145 и 146.

относительно ихъ въ полное согласіе съ ~~современными~~ *себѣ греками*... Если Никонъ перемѣнилъ взглядъ на позднѣйшихъ грековъ и началъ смотрѣть на нихъ, какъ на неизмѣнно и неповрежденно сохраняющихъ чистоту православія древнихъ грековъ, то изъ этого само собою и необходимо слѣдовало, что мы должны быть въ согласіи относительно богослуженія съ этими послѣдними греками, ибо иначе—признавать чистоту православія позднѣйшихъ грековъ и не хотѣть того, чтобы быть въ согласіи съ ними относительно богослуженія, было бы нелѣпостью, логическимъ *contradictio in adjecto*. Но и, наконецъ, приступая къ исправленію книгъ, что провозглашалъ Никонъ на соборѣ 1654 года въ своихъ извѣстныхъ „возглашеніяхъ“, какъ не то, что желаетъ привести русскую церковь относительно обрядовъ и богослуженія къ согласію и единенію съ современною церковью греческой?.. Первоисправленный Никономъ „служебникъ“ и всѣ послѣдующіе новые „служебники“ вплоть до настоящаго не составляютъ какихъ-нибудь книгъ секретныхъ, относительно которыхъ была бы невозможна повѣрка. Эта повѣрка документальнымъ образомъ и доказываетъ, что *Никонъ исправилъ служебникъ не по древнимъ рукописямъ греческимъ и славянскимъ, а по современному себѣ печатному греческому эвхологію и по современному живому чину греческой церкви*. Въ библіотекѣ московской синодальной типографіи до настоящаго времени сохраняется экземпляръ греческаго печатнаго эвхологія, съ котораго... былъ правленъ служебникъ 1655 года... Никонъ предпринялъ свое исправленіе книгъ съ тою цѣлью, чтобы относительно ихъ привести русскую церковь въ полное согласіе съ современною церковію греческою; а если такъ, то уже вовсе не можетъ быть разумѣемо исправленія книгъ по древнимъ рукописямъ греческимъ и славянскимъ“ *).

*) „Богослов. Вѣстн.“, 1892 г., II, стр. 305, 307—310.

Находящееся въ моемъ распоряженіи время, гг., не позволяетъ мнѣ подробно остановиться на вопросѣ о технической сторонѣ этого quasi-исправленія. Вы сами поймете, велики ли были достоинства этого исправленія, если я укажу вамъ только на одинъ фактъ: При сравненіи текста литургій: старопечатнаго, исправленнаго Никономъ и греческаго, которое сдѣлано было по предложенію Платона, архіепископа рижскаго, потомъ митрополита кievскаго, въ 80-хъ годахъ XIX столѣтія, оказалось: изъ 340 параграфовъ—230 указываютъ на погрѣшности служебника исправленнаго, и только 30—на погрѣшности старопечатнаго, 45—на общія обоимъ служебникамъ. Разсмотрѣны были литургіи Іоанна Златоустаго и Василия Великаго.

Въ самый разгаръ никоновскаго книжнаго исправленія и борьбы изъ-за него, въ томъ же 1655 году, прибыли въ Москву сербскій патріархъ Гавріиль и антiохійскій Макарій, которые и помогли Никону въ его „реформированіи“ церкви.

„Въ 1656 году, 12 февраля,—говоритъ историкъ м. Макарій, — въ день памяти святого Мелетія Антіохійскаго, а вмѣстѣ и святителя московскаго Алексія, въ Чудовѣ монастырѣ совершалась праздничная заутреня, на которой присутствовали самъ царь со всѣмъ своимъ синклитомъ, патріархи съ другими архіереями и множество народа. Когда въ положенное по уставу время прочитано было изъ Пролога, въ поученіе православнымъ, извѣстное сказаніе о святомъ Мелетіи Антіохійскомъ..., тогда Никонъ во всеуслышаніе спросилъ патріарха Макарія, какъ понимать это сказаніе? И Макарій возгласилъ: „Мужіе всего православія, слышите: азъ преемникъ и наслѣдникъ святаго Мелетія престолу, вамъ извѣстно, яко сей святой Мелетій три первыя персты разлучены показа другъ отъ друга, отъ нихъ же и знаменія не бысть; тыя же паки три соедини, ими же и знаменіе показа. *И аще кто сими тремя персты на*

лицѣ своемъ образъ креста не изобразуетъ, но имать творити, два послѣднія соединяя съ великимъ пальцемъ да два великосреднія простерта имѣти, и тѣмъ образъ креста изобразити, таковой арменоподражатель есть..."

„Прошло еще двѣнадцать дней; настала недѣля Православія (24 февраля). Собрались въ Успенскій соборъ на торжество всѣ находившіеся въ Москвѣ архіереи съ знатнѣйшимъ духовенствомъ, царь со всѣмъ своимъ синклитомъ и безчисленное множество народа.

„Въ то время, когда начался обрядъ православія, и церковь, ублажая своихъ вѣрныхъ чадъ, изрекала проклетіе сопротивнымъ, два патріарха, антиохійскій Макарій и сербскій Гавріилъ, и митрополитъ никейскій Григорій стали предъ царемъ и его синклитомъ, предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ и народомъ, и Макарій, сложивъ три первые великіе перста во образъ святыя Троицы и показывая ихъ, воскликнулъ: „Сими тремя первыми великими персты всякому православному христіанину подобаетъ изображать на лицѣ своемъ крестное изображеніе; *а иже кто по вoodoo-ритову писанію и ложному преданію творитъ, той проклятъ есть*“. То же проклетіе повторили вслѣдъ за Макаріемъ сербскій патріархъ Гавріилъ и никейскій митрополитъ Григорій... И можно представить, какъ должна была подѣйствовать эта анаеема на православныхъ, произнесенная въ самое торжество православія.

„Въ началѣ апрѣля прибылъ въ Москву молдавскій митрополитъ Гедеонъ. И въ Москвѣ, вмѣсто трехъ, было уже четыре восточныхъ святителя. Никонъ рѣшилъ обратиться ко всѣмъ имъ разомъ съ письменнымъ посланіемъ отъ лица своего и другихъ русскихъ архіереевъ, и указывая на то, что въ Москвѣ „нѣщии воздвизаютъ прю“ относительно сложенія перстовъ для крестнаго знаменія, и одни крестятся тремя перстами десницы, а другіе двумя, умолялъ (?) этихъ

святителей возвѣстити, гдѣ истина и какъ слѣдуетъ креститься“ *)

Макарій и другіе пріѣзжіе съ востока архіерей на вопросъ Никона дали слѣдующій знаменательный отвѣтъ: „Преданіе пріяхомъ съ начала вѣры отъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и святыхъ седми соборовъ творити знаменіе честнаго креста съ тремя первыми персты десныя руки, *и кто отъ православныхъ христіанъ не творитъ крестъ тако*, по преданію восточныя церкви, еже держа съ начала вѣры даже доднесь, *есть еретикъ и подразсатель арменовъ и сего ради имамы его отлучена отъ Отца и Сына и Святаго Духа и проклята*: и за извѣщеніе истины подписахъ своею рукою: Макарій милостію Божіею патріархъ великаго Божія града Антіохіи и всего востока. Гавріиль Божіею милостію архіепископъ пеккскій и патріархъ сербскій. Вышереченная тако исповѣдую, и тако свидѣтельствую, и тако держу. И аще кто не вѣруетъ, *и вышереченная не держитъ, да будетъ проклятъ*, того ради руку приложихъ. Смиренный митрополитъ никейскій Григорій пречестный (sic!) и экзархъ всея Визиніи, вышеписанная тако исповѣдаю, тако проповѣдую и тако держу, *и кто не держитъ тако, да имать клятвы святыхъ трехсотъ и осьминадесяти богоносныхъ отецъ, въ Никеи собравшихся (?!), и прочихъ святыхъ соборовъ и да будетъ проклятъ*, и за извѣщеніе истины подписалъ своею рукою. Геденъ Божіею милостію архіепископъ и митрополитъ сучавскій и всея земли молдавскія, вышереченная тако исповѣдаю, и тако свидѣтельствую, и тако держу, и аще кто не вѣруетъ *и вышереченная не держитъ, да будетъ проклятъ*, того ради руку приложихъ“ **).

*) Истор. русск. церк., Макарія, т. 12, стр. 188—191.

**) Скрижаль, над. 1656 г., нечислен. листы, между стр. 755 и 756; Истор. русск. церк., Макарія, т. 12, стр. 191; „Патр. Ник.“, Быкова, стр. 51.